

Review

Активы сыграют в прятки

Привлечь к ответственности реального бенефициара с каждым годом становится все легче. Претендовать на его имущество могут кредиторы компании, контролирующие органы, банки и деловые партнеры. Попытки «спрятать» активы в последнюю минуту обычно бесполезны, а чаще — незаконны, и только своевременно принятые меры помогут не потерять бизнес. О плюсах и минусах наиболее популярных способов защиты активов и о том, как они работают на практике, рассказал управляющий партнер юридической компании «Лемчик, Крупский и партнеры» **Андрей Крупский**.

ФОТО: АНДРЕЙ КРУПСКИЙ

— мнение —

Риск на пороге

Если бы в начале своей карьеры российские бизнесмены знали обо всем многообразии оснований, за которые их можно привлечь к ответственности, вероятно, бизнеса в стране было бы куда меньше, чем показывает статистика. Тем предпринимателям, которые уже состоялись, тем более есть что терять, и они хотят максимально полно защититься от потери активов.

Но попасть в «зону риска» легче, чем кажется. Например, может выясниться, что при использовании методов снижения налоговой нагрузки компания недоплатила налоги, и виновное в этом лицо рискует подвергнуться не только уголовному преследованию, но и в дальнейшем получить от государства гражданский иск о возмещении убытков.

Также на активы могут претендовать кредиторы, ведь долги компании можно взыскать с топ-менеджеров и собственников не только при банкротстве фирмы, но и в случае, если она уже исключена из ЕГРЮЛ. Кроме того, руководителя могут привлечь к ответственности по иску самой компании — и это еще один подводный камень.

Первое, что стараются сделать оппоненты должника, — доказать его связь с тем или иным активом. Для того чтобы ее скрыть, существует несколько способов.

Брак как «подушка безопасности»

Если потенциальный должник оказался в сложной ситуации и при

этом состоит в браке, то он может спасти семейную собственность, переформировав ее на супруга при помощи соглашения о разделе имущества. Такой документ можно составить не только будучи в браке, но и после развода, он позволяет четко разграничить права: супруги могут прописать в нем доли в каждом объекте либо определить раздельный режим владения. В 2019 году Верховный суд РФ разрешил включать в соглашение и личное добрачное имущество: теперь должник может напому обезопасить его от претензий кредиторов и арбитражного управляющего. Однако ту собственность, которую супруги получили в наследство, разделить нельзя.

Составляя документ, лучше избегать существенной диспропорции долей разделенного имущества и соблюдать принцип соразмерности, иначе кредиторы могут оспорить перевод активов. Одновременно можно инициировать развод в суде: он придаст соглашению дополнительный «реальный» штрих и покажет кредиторам, что стороны не намеревались ущемлять их права. Затем имущество следует оценить, нотариально удостоверить и зарегистрировать право собственности на разделенные активы в Росреестре.

Важно, чтобы после развода каждый супруг содержал свои активы самостоятельно — это позволит доказать их обособленность. Ведь если при анализе банковских выписок арбитражные управляющие обнаружат общие расходы, они могут сделать вывод о мнимости совершенной сделки. Соглашение о разделе имуществ-

ва, как и любую сделку, можно оспорить в суде в установленный законом срок исковой давности — он составляет три года.

Продать нельзя подарить

Весьма популярный способ защиты актива — его продажа дружественному лицу. Вероятность оспаривания этой и других сделок зависит от даты ее заключения: договор можно оспорить либо за стандартные три года, либо в течение десяти лет после подписания — если кредиторы докажут, что истинной целью купли-продажи было сокрытие имущества.

Чтобы в будущем вам не пришлось подтверждать реальность сделки, стоит учесть несколько рекомендаций. Во-первых, цена в договоре должна соответствовать рыночной. Во-вторых, на роль покупателя лучше привлечь лицо, способное объяснить происхождение средств, на которые оно приобретает имущество. Если договор оплачивается в наличном порядке, передачу денег и оформление расписки лучше проводить в присутствии нотариуса. Если же для расчета выбрана безналичная форма, то здесь стоит предпочесть фактическое перечисление денег со счета покупателя продавцу, а их возврат осуществить в наличной форме.

Еще один вариант «разорвать» связь между владельцем и активом — подарить его.

Но тут важно помнить, что в течение десяти лет с момента совершения любой сделки кредиторы могут попробовать оспорить ее по нормам ГК РФ, и анализ судебной практики

показывает, что в случаях применения к КДЛ субсидиарной ответственности договор дарения оспаривается чаще других, а кредиторы открыто расценивают его как операцию по выводу активов. При этом они обязаны доказать, что сделка совершалась именно в целях уклонения от уплаты долга. Считается, что должник злоупотребляет правом, если отчуждает имущество в период, когда уже отвечает признакам неплатежеспособности, договор совершен на рыночных условиях (то есть причиняет ущерб), а сторона по сделке знала о ситуации должника.

В целом дарение сложно назвать надежным способом спасти имущество, и прибегать к нему рекомендуется только в крайних случаях.

Залог страхует от потери

От форс-мажора и риска утратить контроль над имуществом нельзя защититься на сто процентов, но способы подстраховаться все-таки есть. Один из наиболее эффективных — залог.

Например, вы можете выдать покупателю (родственнику или знакомому) заем с оформлением залога на приобретаемую недвижимость. Размер займа, который прописывается в договоре, будет приблизительно равен стоимости имущества. По сути, эта сделка является «безденежной», то есть вместо фактической передачи средств оформляется лишь расписка в их получении.

Преимущество этого варианта в том, что актив нельзя реализовать без согласия залогодержателя. Недостаток — возможность отследить связь между ним и реальным владельцем. Поскольку сведения о залоге отражаются в ЕГРН, они доступны неограниченному кругу лиц. Если залогодержатель окажется родственником лица, контролирующего должника (КДЛ), то кредиторы, обнаружив запись о залоге интересующего их имущества, могут попытаться признать ее мнимой. Поэтому в качестве залогодержателя или залогодателя целесообразно ставить лицо, не связанное с КДЛ напрямую.

Заем покупателю можно выдать и без оформления залога — в этом случае контроль над продаваемой собственностью снижается, но одновременно такой ход является и

преимуществом, поскольку кредиторы не найдут связь между КДЛ и залогодателем. Расписку, подтверждающую оплату, можно оформить с открытой датой — она «подстелет соломку» на случай мошенничества доверенного лица.

В качестве дополнительной страховки формальный собственник актива и реальный бенефициар могут заключить опционное соглашение. В этом случае, если наступит срок возврата имущества истинному владельцу, а номинальный держатель по каким-то причинам не захочет его переоформить, сделку возможно будет совершить без фактического присутствия второй стороны. Опционное соглашение неупублично, конфиденциально и заключается в нотариальном порядке.

Траст не догонят

Если потенциальный должник владеет имуществом за рубежом и отдельные его объекты задекларированы в разных странах, это означает, что у налоговых органов есть информация об иностранных счетах, с которых оплачивались их покупки и содержание. Соответственно, владелец рискует получить требования по взысканию долгов за счет такого имущества, особенно если в реестр кредиторов войдет налоговая служба.

Для защиты иностранной собственности можно использовать разные варианты, аналогичные российским: раздел и продажу, залог и прочее. Порядок их оформления и реализации зависит от особенностей законодательства той страны, в которой находится имущество. Но одним из самых эффективных, удобных и конфиденциальных инструментов является траст — при его использовании активы приобретают особый статус.

Суть траста в том, что его имущество не принадлежит ни учредителю (он теряет право собственности на него с момента передачи имущества управляющему), ни доверительному собственнику-трасти (он только управляет этим имуществом и является формальным держателем титула на активы), ни бенефициарам до даты прекращения траста.

Несмотря на то что траст не является юридическим лицом, на его имя может быть открыт отдельный счет, он может иметь собственные обязательства и осуществлять инвестиции.

Имущество, которое передается в траст, перестает быть собственностью учредителя, и, следовательно, его невозможно конфисковать или потребовать выплаты из траста в качестве компенсации по иску к учредителю или бенефициару. Оно также отделено и от активов доверительного собственника, и на него нельзя обратить взыскание, связанное с его долгами.

Доверительный собственник инвестирует предоставленные в его распоряжение средства по собственному усмотрению, но в рамках условий трастового соглашения. Помимо соглашения учредитель обычно передает доверительному собственнику меморандум, содержащий его пожелания по управлению имуществом, который, впрочем, не является юридически обязывающим документом. Учредитель также вправе назначить гаранта траста, который контролирует деятельность доверительного собственника и может при необходимости заменить его на другого.

Бенефициар может получать доходы от активов траста, но не вправе ими распоряжаться, то есть у него сложно их отобрать. Что касается выплат бенефициару, то их сроки и размеры также определяются трастовым соглашением и могут быть поставлены в зависимость от определенных событий. В итоге все имущество, включая доходы от инвестиций, но за вычетом управленческих расходов, должно перейти в распоряжение бенефициара.

Для наиболее эффективной защиты иностранных активов, как правило, используют безотзывный траст — в этом случае после подписания трастового соглашения полный контроль над имуществом переходит к управляющему. С одной стороны, такую потерю контроля можно отнести к плюсам, ведь она ограждает переданные в траст активы от кредиторов. С другой стороны, создать и содержать безотзывный траст — удовольствие дорогостоящее. А из-за того что учредитель теряет юридический титул владения активами, продать имущество тоже будет непросто.

Главный принцип, на котором строится защита активов, — своевременное планирование и профилактика. Если заранее просчитать все возможные риски потери имущества и озонотить ликвидацией «тонких мест», можно избежать многолетних судов, сохранив активы и время.

Юридический бизнес

Суд — театр, но не все в нем актеры

«Этот стон у них песней зовется» — жалобы театралов о том, что годных и интересных постановок давно не видно, звучат уже не первый год. Иногда я, как человек «из среды», готов с этим утверждением согласиться, но чаще хочется написать грустно-язвительный пассаж: не там вы, граждане, ищите. За огнем, убедительностью и лицедейским талантом нужно идти в суды.

— мнение —

Громкий судебный процесс доставляет не меньше удовольствия, чем хороший спектакль, и не беда, что актеры временами недотягивают. Если зритель смотрит неудачную постановку в стенах классического театра, он тверд и бескомпромиссен: он встает и уходит, не оглянувшись. Другое дело — суд: здесь небудительная игра участников заворачивает, разжигает интерес и заставляет остаться, чтобы увидеть, чем все закончится.

Многообразие жанров позавидуют самые искушенные ценители. В асортименте есть нравоучительные пьесы, например уже ставший классическим процесс «Березовский vs Абрамович». С позиции дня сегодняшнего кажется, что этот суд проходил в Лондоне совсем неслучайно, ведь это чистейший Шекспир, причудливо осовремененная постановка «Венецианского купца». В ней Шейлок, некогда сужавший Антонио деньгами, требует свой фунт плоти, но в итоге сам едва не оказывается осужденным, ведь втолковать людям под нафталиновыми буклями значение слов «крыша» и «откат» не так-то легко.

Хватает на этой сцене и абсурда: постановка, главная роль в которой отдана Алексею Навальному, напоминает бесконечно длющийся кафианский «Процесс». Сна-

чала герой, не понимающий сути предъявленных обвинений, пытается убедить судей в несправедливости назначенного ему ареста, затем уже сам обличает коррупцию представителей власти, а суд называет «продажной сворой».

Или взять историю с «милициардером» Захарченко — несомненный трагифарс и мой любимый процесс. Именно в нем я с интересом обнаружил своеобразный субтитр скучающей театральной жизни. Да и как было пропустить тот факт, что дома у служителя порядка находят столько денег, сколько не поместилось бы в твою стандартную квартиру полезной, или, как оказывается, бесполезной, площадью 40 кв. м?

Все это напоминает дословную постановку Джанни Родари в провинциальном ТюЗе. Этакая «Страна лжецов» с единственным законом «кто не врет, тот нездоров». Тут и черные банкиры Горбунцов, Антонов и Чувилин, из-за усердно даваемых показаний все как один достойные роли короля Джакомо. И несправедливо осужденные вроде Калиморо, который, медленно сходя с ума, мяукает в унисон со своими сокамерниками-кошками. И непонятно зачем оказавшийся в суде строитель мостов и железных дорог Маркелов из «1520» — этакий художник Бананито, рисующий оживающие картинки.

В этой постановке не хватает только одного — главного героя, благородного юноши Джельсомино с чистым голосом и таким же сердцем. Но процесс очевидно близится к завершению: от королевства Джакомо осталась лишь одна колонна, всем опостылела былая ложь, собаки перестали мяукать, а пираты — именовать себя в собственных показаниях честными людьми, ведь даже они иногда надевают свою истинную одежду.

Но главным, что по-прежнему определяет интерес зрителя к спектаклю, остаются не режиссура, декорации или сценарий, а игра актеров. И по иронии судьбы именно в ней российские суды уступают нашим театрам. Когда речь идет о по-настоящему резонансных делах, быть просто хорошим адвокатом или прокурором недостаточно — нужно быть убедительным, последовательным и логичным в особом, «театральном» смысле. Сценический талант часто влияет на исход дела не меньше, чем способность четко излагать доказательства, выстраивать канву обвинения или защиты. Особенно это касается процессов, где та или другая сторона не богата на объективные доказательства собственной точки зрения — к примеру, вор или взяточник не пойман на месте преступления с полицим, показания свидетелей, равно как и их личности, вызывают сомне-

ния, а позиция обвинения основывается лишь на косвенных данных.

В отсутствие неоспоримых доказательств уровень актерского мастерства оставляет желать лучшего. Временами, когда сторона обвинения это понимает, она, не скрывая раздражения, в рамках своих процессуальных возможностей пытается «направить» свидетелей в нужное русло — и само это действие способно развлечь любого зрителя. Странность и абсурдность происходящего в зале суда заставляют публику испытывать нешу-

точные эмоции: можно наслаждаться путаными показаниями свидетелей, удивленной реакцией многочисленных слушателей, а также постепенно подступающим осознанием, что обвинители, видимо, не припасли для зрителя ничего интересного или убедительного.

И поэтому искушенный и чуткий к фактуре российский зритель давно не заходит в восторженное захлеб: «голые» эмоции ушли, и ему остается только удивляться театральности происходящего. Которую, однако, не следует трактовать как одно-

значное доказательство вины: кроме того, что свидетельские показания со стороны кажутся пустышкой, они ухитряются не только звучать, но и выглядеть забко. Наблюдая за их выступлениями в суде, хочется воскликнуть классическое: «Не верю!»

И под занавес, перед тем как все мы отправимся обсуждать очередную постановку, хочется напомнить зрителям и судьям лишь о том, что перед нами не маски, роли или сценические ампла, а жизни и судьбы живых людей.

Владимир Николаев